

Герги́лев Дени́с Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
директор Гуманитарного института
Сибирского федерального университета

**К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ
УПРАВЛЕНИИ КАЗАХСКОЙ
СТЕПЬЮ В СИБИРИ
В НАЧАЛЕ XIX В.****Аннотация:**

В статье рассматривается процесс формирования и развития системы управления казахскими территориями в первой половине XIX в. Основное внимание уделяется структуре органов власти, образованных по «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г., и причинам их трансформации согласно «Положению об отдельном управлении сибирскими киргизами» 1838 г. Охарактеризованы протестное движение казахского общества, вызванное проводимыми реформами, и правительственные меры по его преодолению. Рассматриваемые преобразования являлись частью административного оформления процесса вхождения казахских степей в состав Российской империи.

Ключевые слова:

«Устав о сибирских киргизах», «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами», пограничные округа, Пограничное управление, султаны-правители.

Gergilev Denis Nikolaevich

PhD in History, Assistant Professor,
Director, Institute of Humanities,
Siberian Federal University

**CONCERNING THE ISSUE OF
TERRITORIAL ADMINISTRATION OF
THE KAZAKH PLAIN IN SIBERIA
AT THE BEGINNING OF
THE 19TH CENTURY****Summary:**

The article deals with the process of forming and developing the Kazakh territories' management systems in the first half of the 19th century. Considerable attention is paid to the structure of authorities established according to the Charter on the Siberian Kyrgyz (1822) and the reasons for their transformation due to the Regulation on the Separate Management of the Siberian Kyrgyz (1838). The study describes the protest movement of the Kazakh society caused by the ongoing reforms and the government's measures to overcome it. The transformations under review were a part of administration process of integrating the Kazakh plains into the Russian Empire.

Keywords:

Charter on the Siberian Kyrgyz, Regulation on the Separate Management of the Siberian Kyrgyz, border districts, Border Directorate, sultan rulers.

В рамках реформы управления Сибирью, проведенной М.М. Сперанским в 1822 г., в числе других девяти документов, подписанных Александром I 22 июля 1822 г., был принят специальный документ – «Устав о сибирских киргизах» («киргизы» – старое название казахов. – Д. Г.), определивший систему управления казахским населением и характер его отношений с государством на длительное время. По мнению некоторых исследователей, Устав был направлен на ликвидацию остатков независимости казахских правителей и полное включение казахских территорий в состав Российской империи [1, с. 22; 2, р. 67]. В соответствии с «Уставом» Средний жуз вошел в состав Омской области, которая вместе с Тобольской и Томской губерниями составила Западно-Сибирское генерал-губернаторство.

Статус казахского населения был практически аналогичен статусу государственных крестьян. Так, в частности, казахи имели право на недвижимость [3, с. 148]. Казахское население делилось на «внутренних» – прилинейных и «внешних» – залинейных «киргизов». В частности, к «внутренним» «киргизам» было отнесено казахское население, кочевавшее в районах, расположенных вблизи городов Омска, Петропавловска, Семипалатинска, Усть-Каменогорска. Это объяснялось тем, что в начале 20-х гг. XIX в. они были уже значительно вовлечены в экономическую и культурную жизнь русского населения региона. В то же время «внешние» казахи кочевали в глубине степей, в культурном, экономическом и административном отношении находились еще практически вне зоны русского влияния. В связи с этим система управления ими должна была сохранять традиционный подход и строиться в иерархии «округ – волость – аул».

Учитывая наличие традиционных для кочевников конфликтов из-за пастбищ, в «Устав» была введена специальная статья «Разделение», в которой прописаны механизмы образования административных единиц. Некоторые ученые, однако, считают, что при реформе 1822 г. не было учтено сложившееся к тому времени в казахском обществе территориально-родовое деление [4, с. 162]. В то же время существует точка зрения, что, напротив, существовавшая в начале XIX в. территориально-родовая система была учтена авторами «Устава» [5, с. 156]. Действительно, в § 8 «Устава» прямо сказано: «Округи преимущественно составляются из тех волостей, кои, счи-

таясь в одном роде или поколении, обвыкли уже быть совокупно, и из волостей, им соседственных» [6, с. 97]. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в «Уставе» не учитывалось, что крупные роды, не вмещааясь полностью в стандартные округа, располагались в разных административных единицах. При этом малые роды вынуждены были объединяться с другими, для того чтобы составить отдельный округ. Это, в свою очередь, негативно сказывалось на сложившихся ранее межродовых отношениях.

При организации волостей сложилась практически аналогичная картина. Так, один род мог составить одну волость, так как он не превышал соответствующих норм, заложенных в «Уставе», однако нередко имела место ситуация, когда одна волость состояла из частей разных родов.

И наконец, нижнее звено новой административно-территориальной системы – аул, согласно «Уставу», должно было состоять из 50–70 юрт, тогда как в казахском обществе аул состоял максимум из 5–15 юрт. В связи с этим и новый аул как административная единица зачастую формировался за счет дробления одних и объединения других традиционно существовавших родовых образований. По «Уставу» жители аулов и волостей должны были, как правило, кочевать в пределах своих административных единиц. За нарушение этой нормы какого-либо наказания не следовало. Однако границы своего округа нарушать было категорически запрещено, и виновные в этом проступке предавались суду [7, с. 402–403].

Властная иерархия в казахских степях по «Уставу о сибирских киргизах» выглядела следующим образом. На вершине пирамиды находился западносибирский генерал-губернатор, ниже – глава Омской области. Омскому областному руководству подчинялись окружные приказы. Следует, однако, отметить, что создание окружного приказа утверждалось высшим правительственным (сенатским) указом. Интересно, что округа и, соответственно, окружные приказы формировались постепенно, с учетом мнения западносибирского генерал-губернатора, вице-канцлера, Азиатского комитета Министерства иностранных дел и местного казахского населения [8, с. 22–23]. Первый приказ был создан в Каркаралинске в 1824 г., а последний – Кокпектинский – в 1838 г. [9, с. 19]. Интересно, что сами казахи нередко обращались к пограничному начальству с просьбами об учреждении округов и, главное, окружных приказов, при которых располагались казачьи части для защиты от соседних ханств [10, с. 23–24]. Подобные прошения были вызваны тем, что еще по «Инструкции Оренбургской пограничной комиссии к старшинам Оренбургской линии о порядке управления казахами» от 24 февраля 1832 г. казакам предписывалось защищать прилинейное казахское население от разбойничьих набегов соседних кочевников [11, с. 16].

В начале формирования новой системы управления отношения между окружными султанами и начальником Омской области складывались не лучшим образом. Примером может служить переписка султана Шамы Аблайханова с омским областным начальником С.Б. Броневским об отношении к новому устройству в степи. В частности, в августе 1824 г. Шама Аблайханов пишет о невнимании областных властей к проблемам местного казахского населения: процветающей баранте (угону скота. – Д. Г.), распределению летних и зимних кочевий, злоупотреблениям русских чиновников и др. [12, с. 12–14]. Ответ С.Б. Броневского по существу носил характер отписки. Общими словами он говорит об эффективности нового устройства в степи, заверяет султана в принятии необходимых мер и отмечает, что проблемы султана вызваны его недостаточным участием в работе новой системы управления [13, с. 14–15].

В качестве властного инструмента, с помощью которого русская администрация планировала управлять казахским обществом, «Устав о сибирских киргизах» видел султанов – представителей традиционной родо-племенной аристократии. Султаны должны были возглавлять окружные приказы и волостные управления. Интересно, что согласно «Уставу» старшие султаны, или ага-султаны, должны были не назначаться, а выбираться на эти должности сроком на три года. Количество сроков не ограничивалось, а в случае трехкратного избрания старший султан мог претендовать на звание дворянина. На время исполнения обязанностей старший султан получал звание майора. Правда, как кандидаты, так и избиратели могли быть только лицами султанского происхождения. Выборы, как правило, проходили в летнее время в местах расположения окружного приказа. Султаны, не имевшие возможности проголосовать лично, могли сделать это в письменной форме. Претендент, избранный на должность окружного султана, утверждался областным начальником [14, с. 24]. Зачастую султаны передавали управление своим родственникам, пользуясь «лазейками» в законодательстве.

По «Уставу» султаны были обязаны сохранять на вверенной им территории «тишину и порядок» и заботиться о росте благосостояния подконтрольного населения. На деле султанское правление сопровождалось значительными злоупотреблениями и некомпетентностью в реализации властных полномочий. В значительной мере это было связано с неопределенностью в «Уставе» функций ага-султанов. Все свои управленческие функции старшие султаны осуществляли через окружной приказ – коллегиальный орган, в состав которого входили два русских чи-

новника и два «почетных казаха». Причем первые назначались областным начальником, а вторые избирались одновременно с султаном. Султаны были обязаны осуществлять низовые судебные функции и контролировать сбор налогов (ясака).

Окружной приказ должен был по возможности находиться в центре округа, границы которого строго фиксировались русским правительством. Перекочевки из округа в округ были запрещены. Особенно строго русские власти контролировали перекочевки на территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Разрешение давалось только по предварительной договоренности областного начальника с гражданским губернатором [15, с. 97].

Властные полномочия в волостях, на которые делились округа, осуществляли избираемые волостные правители. В качестве примера можно привести «Акт об избрании султана-правителя Каракисекской волости от 1 августа 1824 г.» Батыра Букайхануглы. В документе избранный характеризуется как человек добросовестный, справедливый и преданный «императору Российского государства». Ниже идут подписи (тамги) старшин, биев и «почетных казахов» Каракисекской волости [16, с. 15]. Султаны, занимавшие эту должность, утверждались областным управлением. Согласно «Уставу» волостной султан обязан был выполнять приказы окружного султана и выполнять те же управленческие функции, что и окружной султан, на своем уровне. Так же как и в округе, султанская власть в волости осуществлялась со многими злоупотреблениями, поборами и часто достаточно некомпетентно [17, с. 122].

Глава аула – аульный старшина, полностью подчинялся волостному управителю, вплоть до того, что «Уставом» ему запрещалось перекочевывать без разрешения вышестоящего начальника с места на место [18, с. 26].

Уже к началу 1830-х гг. было ясно, что «Устав о сибирских киргизах» не способен стать основой для эффективного управления казахским населением, прежде всего в политической жизни степи. Это выразилось, в частности, в неприятии новой системы власти значительной частью казахской элиты, привыкшей к традиционной властной иерархии. Нередко это приводило к прямым вооруженным выступлениям.

Следует отметить, что уже с момента начала реализации «Устава» он встречал достаточно сильное сопротивление старой казахской знати. В связи с этим можно упомянуть крупное восстание Губайдуллы-хана, старшего сына и преемника Вали-хана. Губайдулла был избран казахскими старейшинами ханом Среднего жуза в 1821 г. С целью укрепления своего положения в 1824 г. он начал вести переговоры с Китаем, стремясь добиться признания своего ханского достоинства со стороны китайского императора. Об этом стало известно русским властям, и в том же году он был взят под стражу и принужден отказаться от ханской власти. В том же году он был избран старшим султаном Кокчетавского округа. Недовольный понижением своего статуса, Губайдулла сразу же поднял восстание против русских властей, которое было подавлено в 1825 г. В это же время против новой системы управления степью начали борьбу сын Абылай-хана Касым с сыновьями Саржаном и Кенесары в Кокчетавском и Каркаралинском округах. После убийства кокандцами брата в 1836-м и отца в 1840 г. движение возглавил Кенесары Касымов. Открытые боевые действия против русских начались еще в 1838 г., охватили территорию практически всего Среднего жуза и продолжались до гибели Кенесары в 1847 г.

Наряду с силовыми методами (продвижение в степь русских укреплений, усиление гарнизонов, организация карательных экспедиций и т. п.) власти принимали меры и административного воздействия на ситуацию. Неспособность старой системы власти обеспечить контроль над степью вынудила правительство разработать «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами», которое было принято в 1838 г. Помимо неэффективности «Устава» еще одной причиной введения нового «Положения» была перегруженность Омского областного правления в конце 1830-х гг. казахскими делами.

Самое активное участие в разработке «Положения» принимал генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков. По его инициативе Омская область была упразднена, Омск вошел в состав Тобольской губернии, а Петропавловск, Семипалатинск и Усть-Каменогорск – в состав Томской губернии. Функции управления казахскими землями передавались вновь созданному Пограничному управлению, находившемуся в Омске [19, с. 177–178]. Согласно «Положению», Пограничное управление возглавлял пограничный начальник, который ведал всеми делами начальника бывшей Омской области. О значимости его служебного положения говорит тот факт, что эту должность имел право занимать только генерал-майор, напрямую подчинявшийся генерал-губернатору Западной Сибири. Кроме того, в штат управления входили председатель Пограничного управления в чине полковника, четыре советника – три русских и один казах, а также стряпчий казенных и уголовных дел [20, с. 28–29].

Очевидно, что преобразования коснулись только части системы управления казахскими территориями: и высшее звено – западносибирский генерал-губернатор и нижние звенья – «округ – волость – аул» сохранились без каких-либо изменений.

Таким образом, в первой половине XIX в. русское правительство принимало активные меры по созданию и развитию системы управления казахскими территориями. Несмотря на сопротивление местной знати, ситуация в казахской степи постепенно стабилизировалась. Главной причиной этого было непрерывное усиление русской власти, прежде всего западносибирского генерал-губернатора, омского областного начальника, руководства окружных приказов, что достигалось как силовыми, так и административными методами.

Ссылки:

1. Оразмагамбетова Д.И., Шотбакова Л.К. «Устав о сибирских киргизах» 1822 года и причины принятия «Положения об отдельном управлении сибирскими киргизами» 1838 года // Вестник КарГУ. 2006. С. 22–34
2. Raëff M. *Siberia and Reforms of 1822*. Seattle, 1956. 386 p.
3. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVII и первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958. 294 с.
4. Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941. 368 с.
5. Зиманов С.З. Указ. соч. С. 156.
6. Материалы по истории политического строя Казахстана : в 2 т. / сост. М.Г. Масевич, отв. ред. С.З. Зиманов. Т. 1. Алма-Ата, 1960. 441 с.
7. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алма-Ата, 1996. 656 с.
8. Из мнения Азиатского комитета об учреждении округа в Старшем жузе от 29 октября 1832 г. // Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.) : документы и извлечения. Барнаул, 2014. С. 22–23.
9. Жиренчин А. Социально-экономическое и политическое положение Казахстана в XIX – начале XX в. Алма-Ата, 1996. 352 с.
10. Прошение султана Старшего жуза С. Аблайханова и биев пограничному начальнику сибирских киргизов полк. Вишневному об учреждении окружного приказа для защиты казахов от соседних ханств // Традиционное казахское общество ... С. 23–24.
11. Инструкция Оренбургской пограничной комиссии к старшинам Оренбургской линии о порядке управления казахами от 24 февраля 1832 г. // Там же. С. 16.
12. Письмо султана Шамы Аблайханова омскому областному начальнику С.Б. Броневному об отношении его и подведомственных ему людей к новому устройству в степи // Там же. С. 12–14.
13. Ответ омского областного начальника С.Б. Броневого султану Аблайханову на его письмо от 27 августа 1824 г. // Там же. С. 14–15.
14. Оразмагамбетова Д.И., Шотбакова Л.К. Указ. соч. С. 24.
15. Материалы ... С. 97.
16. Акт об избрании султана-правителя Каракисекской волости 1 августа 1824 г. // Традиционное казахское общество ... С. 15.
17. Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40 гг. XIX века. Алма-Ата, 1992. 400 с.
18. Оразмагамбетова Д.И., Шотбакова Л.К. Указ. соч. С. 26.
19. Материалы ... С. 119.
20. Оразмагамбетова Д.И., Шотбакова Л.К. Указ. соч. С. 29–29.

References:

'Act on the election of the sultan-ruler of the Karakisek volost on August 1, 1824' 2014, *Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: kontseptual'nyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.): dokumenty i izvlecheniya*, Barnaul, p. 15, (in Russian).

'A letter from sultan Shamy Ablaykhanov to the Omsk regional chief S.B. Bronevsky about his attitude and the attitude of his subordinate people towards a new structure in the steppes' 2014, *Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: kontseptual'nyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.): dokumenty i izvlecheniya*, Barnaul, pp. 12-14, (in Russian).

Bekmakhanov, E 1992, *Kazakhstan in the 1820s-1840s*, Alma-Ata, 400 p., (in Russian).

'From the opinion of the Asian Committee on the establishment of a district in the Senior Zhuz as of October 29, 1832' 2014, *Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: kontseptual'nyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.): dokumenty i izvlecheniya*, Barnaul, pp. 22-23, (in Russian).

Levshin, AI 1996, *Description of Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes*, Alma-Ata, 656 p., (in Russian).

Masevich, MG (comp.) & Zimanov, SZ (ed.) 1960, *Materials on the history of the political system of Kazakhstan*, in 2 vols., Alma-Ata, 441 p., (in Russian).

Orazmagambetova, DI & Shotbakova, LK 2006, 'The Charter of the Siberian Kirghiz' in 1822 and the reasons for the adoption of the "Regulations on the separate management of Siberian Kirghiz" in 1838', *Vestnik KarGU*, pp. 22-34, (in Russian).

'Orenburg border commission direction to the foremen of the Orenburg line concerning the order of Kazakhs' management as of February 24, 1832' 2014, *Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: kontseptual'nyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.): dokumenty i izvlecheniya*, Barnaul, p. 16, (in Russian).

Raëff, M 1956, *Siberia and Reforms of 1822*, Seattle, 386 p.

'Reply of Omsk regional chief S.B. Bronevsky to sultan Ablaykhanov on his letter dated August 27, 1824' 2014, *Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: kontseptual'nyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.): dokumenty i izvlecheniya*, Barnaul, pp. 14-15, (in Russian).

'The petition of the sultan of the Senior Zhuz S. Ablaykhanov and the biys to the frontier commander of the Siberian Kirghiz Vishnevsky on the establishment of a district order to protect the Kazakhs from neighboring khanates' 2014, *Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: kontseptual'nyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.): dokumenty i izvlecheniya*, Barnaul, pp. 23-24, (in Russian).

Vyatkin, MP 1941, *Essays on the history of the Kazakh SSR*, Moscow, 368 p., (in Russian).

Zhirenchin, A 1996, *Social, economic and political situation of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries*, Alma-Ata, 352 p., (in Russian).

Zimanov, SZ 1958, *Political structure of Kazakhstan at the end of the 17th and the first half of the 19th century*, Alma-Ata, 294 p., (in Russian).